

УДК [271.2+272]476"18/19"

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЕЛ В РУСЛЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ст.

Табунов В. В.

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. В статье анализируется влияние модернизационных процессов на положение православной церкви и римско-католического костёла на белорусских землях в конце XIX – начале XX ст. В данный период времени православная церковь была интегрирована в систему государственного аппарата. Вместе с тем духовенство, осознавая неканоничность такой ситуации, активно выступало за предоставление церкви автономии для решения своих внутренних вопросов. Деятельность римско-католического костёла была направлена на сохранение, и по мере возможности, укрепление своего положения на белорусских землях.

Ключевые слова: модернизация, белорусские земли, православная церковь, Святейший синод, римско-католический костёл, деполонизация, духовенство.

Summary. The article analyzes the impact of modernization processes on the status of the Orthodox Church and Roman Catholic Church on Belarusian lands in the late 19th and early 20th centuries. During this period of time the Orthodox Church was integrated into the system of the state apparatus. At the same time, the clergy, realizing the non-canonical nature of such a situation, actively advocated for autonomy of the church in the solution of its internal issues. The activity of the Roman Catholic Church was aimed at preserving and, as far as possible, strengthening its position on Belarusian lands.

Keywords: modernization, Belarusian lands, Orthodox Church, Holy Synod, Roman Catholic Church, depolonization, clergy.

Конец XIX – начало XX ст. явились важным этапом в истории как собственно белорусских земель, так и всей Российской империи, частью которой они являлись. Это была эпоха модернизации и активных преобразовательных процессов в различных областях жизни, в том числе и религиозной. Главная роль в конфессиональной жизни белорусских земель в рассматриваемое время принадлежала православной церкви и римско-католическому костёлу, к которым, согласно данным переписи

1897 г., принадлежало, соответственно, 60% и 23% населения [5, с. 252].

В указанное время среди большей части православного духовенства белорусских земель окончательно сложилось убеждение в необходимости реформирования института церкви. При этом главное средство виделось в восстановлении принципа соборности. В печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые должны были поднять авторитет церкви, улучшить материальный уровень духовенства.

Предложения о преобразовании православной церкви нашли отклик в среде православного духовенства внутрироссийских и белорусских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-экономическими процессами российского общества рубежа XIX–XX ст., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры. Это проявилось в том, что православное духовенство в северо-западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [4, с. 9].

Намерения православного духовенства о преобразовании церкви получили официальную поддержку на правительственном уровне. В указе Сенату от 6 декабря 1904 г. Николай II обратил внимание на необходимость принятия мер по восстановлению прихода, предоставив ему «твёрдое, устойчивое бытие», а прихожанам в лице приходского собрания – «право устанавливать обязательные сборы для попечения, как о благолепии храма, так и о делах христианской благотворительности и просвещения» [1, л. 3].

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Но в нём ничего не говорилось о положении православной церкви. Это побудило столичного митрополита Антония обратиться к Николаю II с запиской «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви», в которой указал, что такой закон поставит православие в неравное положение по сравнению с другими конфессиями, поэтому «не следует ли предоставить православной церкви большей свободы в управлении её внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [8, с. 388].

В начале 1905 г., в соответствии с разрешением Николая II, в Особом совещании при Комитете министров под председательством С.Ю. Витте началась разработка указа «Об укреплении начал веротерпимости». Сам председатель Комитета министров осуждал синодально-обер-прокурорскую систему и требовал созыва Поместного собора.

Предложения С.Ю. Витте полностью отрицались обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, потребовавшим перевода церковного вопроса из Комитета министров в Синод. Но Синод не поддержал своего руководителя. 31 марта 1905 г. после трёх заседаний (15, 18 и 22 марта) Синод представил императору доклад, подготовленный без участия обер-прокурора и не одобренный им. В докладе подчёркивалась необходимость преобразования института православной церкви. В нём также испрашивалось разрешение монарха на созыв в ближайшее время в Москве Поместного собора и избрании патриарха. Тогда К.П. Победоносцев, возлагая надежду на консерватизм провинциальных епископов, от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем архиереям опросник о положении и преобразовании церкви. Но его расчёты не оправдались. Большая часть епископата высказалась в пользу реформ [6, с. 45].

Четыре епископа (Полоцкий и Витебский Серафим, Минский и Туровский Михаил, Могилёвский и Мстиславский Стефан, Гродненский и Брестский Никанор) и один архиепископ Литовский и Виленский Никандр на страницах отзывов в Синод показали себя сторонниками реформирования института православной церкви. Первостепенное значение в отзывах придавалось вопросу о преобразовании епархиального управления в сторону его децентрализации с передачей части

функций консистории благочинническому совету и собранию прихожан. Поднималась и проблема совершенствования работы духовных учебных заведений путём отделения предметов общеобразовательного цикла от специальных церковных дисциплин. Предусматривалась также последующая углубленная специализация учащихся, имевшая целью подготовить священнослужителя, отвечающего «вызовам времени». Большинство епископов (за исключением одного – епископа Гродненского и Брестского Михаила. – В. Т.) поддержали идею разделения территории государства на церковные округа с последующим предоставлением самоуправления на местах, наделением церковной общины и прихода статусом юридического лица с правом приобретения недвижимого имущества. Также они выступили и за активное участие духовенства в общественной жизни в качестве выборных лиц в городских думах и земских учреждениях, реформирование системы церковного судопроизводства через выделение церковного суда из ведения консистории с передачей части дел в гражданский суд, расширение компетенции епархиальных съездов с передачей им как религиозно-нравственных вопросов, так и экономическо-хозяйственных. Будучи единными в намерениях по преобразованию «первенствующей и господствующей» религии, епископы расходились лишь в деталях по достижению намеченных целей. Суть же проблемы заключалась в том, что церковная иерархия, воспитанная на принципах беспрекословного подчинения государству, не представляла себе, что такое настоящая церковная свобода. Администрирование воспринималось как естественное явление. Церковнослужители понимали необходимость реформ, но они психологически не были готовы к тому, чтобы строить самостоятельную жизнь в отрыве от государства, начиная и заканчивая любое движение в сторону реформ лишь с согласия светских властей [9, с. 61–62].

Управление официально признанными конфессиями, в том числе и римско-католицизмом, находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В виду участия католического духовенства в антиправительственных восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., а также его активной деятельности в области прозелитизма, продолжалось закрытие костёлов и католических монастырей. В 1860–1905 гг. по распоряжению властей было закрыто 145 приходских и 52 филиальных костёла, а также 240 часовен. Большая часть из них – 205 – были переданы православному духовенству и переделаны под церкви [10, с. 78]. Но политика российских властей по отношению к костёлу не была последовательной: «часто с помощью взяток и под прикрытием необходимости ремонта» на белорусских землях строились новые костёлы [7, с. 46].

Общее направление отношений российских властей к римско-католической церкви сформулировал в своём письме от 21 сентября 1899 г. к Николаю II обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев: «Отношение Русского государства к римскому католицизму совсем особое, потому что масса католиков у нас поляки и потому ещё, что в Литве масса русского народа представляет предмет исторического спора между Россией и Польшей» [2, л. 55 об.].

Римско-католическая религия в правящих кругах Российской империи рассматривалась сквозь призму польского вопроса. На это указывают инициативы правительства по распоряжению костёла. Осуществить задуманное предполагалось путём введения в дополнительное католическое богослужение белорусского языка.

В марте 1905 г. виленский генерал-губернатор А. Фрезе обратился к министру внутренних дел с предложением о введении в дополнительное католическое богослужение белорусского языка. Но никакой реакции со стороны министра в ответ не последовало. К этому вопросу власти вернулись после указа 17 апреля 1905 г., когда в крае начался переход в католицизм. Здесь главным было стремление подорвать позиции польского языка в костёле и предотвратить переход части населения из православия в католичество. К тому же в разгар революции 1905–1907 гг. белорусский язык оказался более желательным для властей, чем польский. В борьбе против полонизации администрация была готова временно поддержать «самосознание непольских народностей Западного

края» [3, с. 41]. В 1906 г. о распоряжении костёла говорил председатель Совета министров П.А. Столыпин.

22 июня 1905 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий обращался к губернаторам Северо-Западного края с предписанием сообщить информацию о возможности введения в римско-католическое богослужение «местных наречий». Губернаторы, проанализировав и обобщив информацию, поступившую к ним из уездов, информировали вышестоящее руководство о полезности, но преждевременности в виду нестабильности внутриполитической ситуации начала XX в. проведения данного мероприятия.

Очередная попытка введения белорусского языка в римско-католическое богослужение потерпела неудачу. Ни светские, ни церковные власти не пошли на решительные действия в этом направлении. Власти пришли к выводу, что пропаганда польского влияния может вестись на каком угодно языке, а перевод службы на местный язык, с их точки зрения, только способствовал бы распространению влияния римско-католицизма. В связи с этим вопрос о введении местного наречия в римско-католическое богослужение был отложен.

Таким образом, модернизационные процессы конца XIX – начала XX ст. оказали существенное влияние на положение и деятельность православной церкви и римско-католического костёла на белорусских землях. Данное влияние для православной церкви проявилось главным образом в распространении и укреплении мнения православного духовенства в необходимости реформирования института церкви, но в условиях революции 1905–1907 гг. намерения в данной области не были реализованы. В политике по отношению к римско-католическому костёлу правящие круги Российской империи исходили из идеи разделения религиозной и национальной принадлежности католик – поляк, получившей распространение на белорусских землях со времён Средневековья. Однако вопрос о введении белорусского языка в дополнительное богослужение костёла в силу опасения местной гражданской администрации в активизации деятельности римско-католического духовенства в деле укрепления позиций своей религии в крае на данном языке был отложен.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 1729. Оп. 1. Д. 139. Указ Николая II Правительствующему Сенату о преобразовании Правительствующего Сената и Комитета Министров, пересмотре Положения о земских учреждениях, принятии мер к возрождению церковно-приходских общин, пересмотре законов о печати, усилении полицейского режима 1903 г.
2. ГАРФ. – Фонд 601. Оп. 1. Д. 1327. Письма обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева к императору Александру III и к императору Николаю II 1882–1902 гг.
3. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С. 38–53.
4. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности : автореф. дис... канд. философ. наук : 09.00.03 / Н.М. Кожич ; Гос. науч. учреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.
5. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
6. Поспеловский, Д. Русская православная церковь: испытания начала XX века / Д. Поспеловский // Вопросы истории. – 1993. – № 1. – С. 42–55.
7. Смалянчук, А. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 4. – С. 53–67.
8. Фёдоров, В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В.А. Фёдоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
9. Фирсов, С.Л. Время в судьбе. О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века / С.Л. Фирсов. – СПб. : Сатис, 2005. – 398 с.
10. Kumor, B. ks. Kosciol i katolicy w Cesarstwie Rosyjskim (do 1918 roku) / B. Kumor // Odrodzenie kosciola katolickiego w byłym ZSSR: studia historyczno-demograficzne; pod red. E. Walewanra. – Lublin: Redacja Wyd-wa Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1993. – S. 17–79.